

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО*О.В. ЗАХАРОВА***Официальный дискурс прав человека
в посткоммунистической России:
от либерализма к патернализму***

В статье автор демонстрирует, что в период с 2000 по 2014 г. российский официальный дискурс прав человека претерпел значительные трансформации. Это выразилось как в изменении интерпретации его ключевых категорий, так и в смене основной идеологической парадигмы, в которой он развивался: от либерально-индивидуалистской к патерналистской. Одним из ключевых инструментов построения патерналистского дискурса автор называет риторику угроз. С помощью такой риторики реализация большинства прав и свобод репрезентируется как действия, сопряженные с “серьезными” угрозами для граждан, от которых их призвано защитить государство. Посредством этого выстраивается модель взаимоотношений между государством и гражданином, в которой ограничивающая и репрессивная власть воспринимается как помогающая и защищающая, а ограничения прав человека трактуются как действия, направленные на благо всего общества, в том числе и лиц, подвергшихся ограничениям. Сохранение подобного дискурса, в конечном итоге, ведет к усилению нарушений прав человека, не вызывая при этом протестов со стороны населения.

Ключевые слова: дискурс-анализ, права человека, политическая элита, патернализм, политический язык, политический дискурс, риторика угроз.

Как писал американский политолог М. Эделман, “люди не имеют дела с политическими событиями напрямую; они, скорее имеют дело с языком, на котором им рассказывают об этих событиях” [Edelman 1977, p. 14]. Иначе говоря, в политике выбор слов и контекст, в котором они используются, дают ключ к пониманию реалий политического поведения. В связи с этим представляется актуальным анализ трансформации официального политического дискурса в РФ. Такой анализ может облегчить задачу понимания характера изменений модели взаимоотношений между российским государством и обществом.

В центре настоящего исследования находится тема прав человека как одна из составляющих общего политического дискурса. Под дискурсом в статье понимается совокупность тесно связанных между собой лингвистических актов, формирующих и воспроизводящих смыслы, приписываемые социальным явлениям и объектам в пределах определенной социальной сферы [Wodak 2011]. Согласно М. Фуко, формирование

* Статья написана в рамках совместного научного проекта Центра Восточно-Европейских исследований (Бремен, Германия) и НИУ ВШЭ, финансируемого фондом А. Гумбольдта (the Alexander von Humboldt-Foundation).

значений при этом не произвольно, а определяется системой ограничений, устанавливающих приемлемость или неприемлемость дискурсивных тем и способов интерпретации конструируемых понятий [Фуко 2012]. За основу был взят метод критического дискурса-анализа [Fairclough 2003; Wodak 2011], который, на мой взгляд, позволяет наиболее адекватно проследить эволюцию изменений в исследуемом дискурсе и выделить основные стратегии и риторические приемы, используемые его акторами для легитимации текущего политического курса в сфере прав человека.

Базу исследования составили публичные выступления В. Путина и Д. Медведева в годы их президентства на встречах с представителями национальных и международных институтов защиты прав человека, а также на заседаниях иных органов власти РФ, осуществляющих правозащитные функции. Всего было проанализировано 112 текстов, из них 83 выступления Путина за периоды с 2000 по 2007 г. и с 2012 по 2014., и 29 выступлений Медведева за период с 2008 по 2011 г. В качестве источника данных использован официальный сайт Президента РФ www.kremlin.ru. В частности, в аналитический корпус были включены: стенограммы выступлений обоих президентов на встречах с федеральными и региональными омбудсменами (Уполномоченным по правам человека, Уполномоченным по правам ребенка, Уполномоченными по правам человека и правам ребенка в субъектах РФ); на заседаниях Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ (с 2004 по 2011. – Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, до 2004 г. – Комиссия по правам человека при Президенте РФ); на мероприятиях, посвященных развитию гражданского общества и правам человека (Гражданский форум, Всероссийская конференция по правам человека, Международный фестиваль фильмов о правах человека “Сталкер”); на встречах с представителями правозащитных неправительственных организаций; заявления по случаю нарушения прав человека. В базу исследования также вошли фрагменты выступлений Путина и Медведева на заседаниях Министерства юстиции, Совета по межнациональным отношениям и встречах с представителями религиозных конфессий, содержащие семантические единицы правозащитного дискурса: права человека, свобода слова и вероисповедания, частная жизнь, право на информацию, свобода личности, толерантность, законные интересы граждан. Кроме того, были проанализированы фрагменты высказываний представителей законодательной и исполнительной ветвей власти по поводу принятия законодательных актов, затрагивающих права человека.

Права человека в рамках статьи понимаются в соответствии с международными договорами по правам человека, ратифицированными РФ, и Конституцией РФ. Таким образом, в базу исследования включались фрагменты высказываний указанных выше лиц, содержащие упоминания любой группы прав человека: личные, политические, социально-экономические и культурные. В целом исследование носит дескриптивно-аналитический характер.

Поскольку в одной статье невозможно описать все характеристики исследуемого дискурса, здесь будет рассмотрена лишь эволюция формирования присущих ему патерналистских черт начиная с 2000 г. В 1990-е гг. правозащитный дискурс в России строился в либеральной парадигме и был направлен на поддержку создания и развития национальных институтов прав человека [Sinikkukka 2009, p. 39]. С 2000 г. он стал меняться, что выразилось как в изменении интерпретации его ключевых категорий (таких, как права человека, свобода, гражданское общество, справедливость и т.д.), так и в смене основной идеологической парадигмы: от либерально-индивидуалистской к патерналистской.

В статье используется конвенциональное понимание патерналистских взаимоотношений, в которых государство выступает своеобразным опекуном, заботящимся об интересах гражданина, как правило, предлагая набор социально-экономических благ в обмен на его лояльность и отказ от части своих свобод. Хрестоматийный пример патерналистского государства – СССР.

Современное российское государство не в состоянии предоставить гражданам социальные гарантии, которые они имели в советский период. В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение, что в сегодняшнем патерналистском дискурсе

российского государства “компенсатом” социальных гарантий, предлагаемых гражданину в обмен на отказ от некоторых свобод, становится защита от многочисленных угроз, конструируемых в коллективном сознании общества самим государством. Ощущение реальности этих угроз формирует у населения России восприятие остального мира как враждебного окружения и обеспечивает поддержку государственной политики гражданами страны. Исходя из изложенной гипотезы, при анализе трансформации дискурса прав человека особое внимание в исследовании уделено риторике угроз.

Патернализм – одна из наиболее устойчивых черт российской политической культуры. Однако патерналистская риторика в разные периоды проявлялась по-разному. По результатам проведенного исследования в динамике российского официального дискурса прав человека в XXI в. выделяются три периода: этатистский (2000–2008) с неявными (латентными) проявлениями патернализма; либеральный (2008–2012) с отрицанием патернализма; патерналистский с сохранением элементов этатистского периода (2012 г. – до настоящего времени).

Этатистский период

Для политического дискурса начала и середины 1990-х гг. характерно воспроизводство либеральных идей и попытки конструирования новых “непатерналистских” государства и общества. Однако с начала 2000-х гг. наблюдается его заметное смещение в сторону патерналистской парадигмы. Этот процесс, как было отмечено выше, осуществляется через активное использование двух взаимодополняющих категорий – “угроза” и “защита прав человека (или граждан)”. Безусловно, категория “угроза” не новая для российского политического дискурса. Как пишет Л. Фишман, с конца 1990-х гг. доминирующим в публичной политике России становится риторика безопасности, ключевые семантические компоненты которой – такие термины, как “угроза”, “опасность”, “обеспечение безопасности” [Фишман 2006]. О возрождении “культы государственной безопасности” в середине 1990-х гг., нашедшего отражение и на дискурсивном уровне, также пишет Ю. Федор [Fedor 2013]. Но следует отметить, что данный тип риторики не выходил за пределы традиционной темы государственной безопасности и непосредственно частной сферы прав личности не касался: под угрозами подразумевались международный терроризм, распространение оружия массового поражения и региональные конфликты.

Существенные изменения стали проявляться в первой половине 2000-х гг. Укрепление и институционализация системы государственного управления, построенной на основе приоритетности силовых структур [Fedor 2011; Нисневич 2014], сопровождалась расширением дискурса государственной безопасности, в который, помимо вопросов территориальной неприкосновенности РФ, была включена также тема “духовной безопасности”. Однако в этот период данный дискурс разворачивался несколько иначе, чем в 2012 г. В период с 2000 по 2007 г. он фокусировался на защите “некрепкой государственной машины”. Основным объектом защиты было именно государство, а не граждане, хотя уже появились попытки представить государство как “защитника” личности. Примером такой риторики может быть высказывание Н. Леонова на сайте Радонеж в 2003 г.: «Они (правозащитники. – О.З.) станут до синевы в лице бороться за права призывников и военнослужащих, за права подсудимых и осужденных, за права потребителей, прав граждан на “честные выборы” и т.д., раскачивая и без того некрепкую государственную машину. Но никогда не выступят за укрепление государства – как законного конституционного гаранта прав граждан, оберегателя и защитника личности и ее имущества» (<http://radonezh.ru/analytics/na-kogo-rabotayut-pravozaschitniki-v-rossii-gen-n-s-leonov-47959.html>).

Вместе с тем риторика угроз вплоть до 2012 г. занимала достаточно скромное место. Например, в выступлениях Путина, посвященных теме прав человека, в период с 2000 по 2004 г. семантические единицы риторики угроз либо совсем не встречались, либо появлялись крайне редко (одно или два упоминания) (см. рис. 1). В его

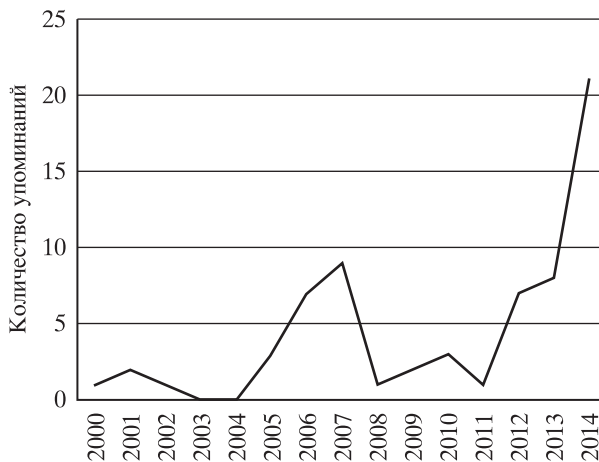

Рис. 1. График представленности категории “угроза” в публичных выступлениях В. Путина и Д. Медведева, посвященных правам человека (2001–2014 гг.)¹.

ежегодных посланиях Федеральному собранию за первые два президентских срока слово “угроза(ы)” также употреблялось точно. При этом в большинстве случаев такая риторика использовалась президентом при репрезентации темы национальной безопасности России (то есть защиты от внешних угроз) или внутренних проблем неэффективности государственного управления и практически не затрагивала сферу частной жизни граждан (см. рис. 2). Ее основной целью представляется не столько создание “ауры страха и беспомощности” среди населения, сколько демонстрация успехов России и равенства с ведущими странами Запада (например, Россия, так же как и другие западные государства, успешно борется с международным терроризмом) (Послание Федеральному собранию РФ от 18 апреля 2002 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21567/audios>).

Законодательное регулирование в сфере прав человека в тот период характеризуется прежде всего ужесточением требований к политическим партиям (2001, 2004 гг.), ограничившим возможности мелких партий участвовать в политической конкуренции, и отменой прямых выборов губернаторов (2004 г.). Данные решения в некоторой степени могут рассматриваться как проявление патерналистской политики, однако официальный дискурс, формировавшийся вокруг этих событий, не носил выраженных патерналистских характеристик.

В целом, несмотря на то, что с начала 2000-х гг. либеральный дискурс стал сдавать свои позиции, права человека по-прежнему преимущественно обсуждались в терминах либеральной идеологии, хотя и с некоторыми преобразованиями [Захарова 2013]. При этом в своих выступлениях президент Путин неоднократно обращался к теме важности и значимости “самостоятельности граждан” для будущего развития страны, провозглашая в послании Федеральному собранию РФ 2004 г., что “несвободный, несамостоятельный человек не способен позаботиться ни о себе, ни о своей семье, ни о своей Родине” (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22494>).

Примечательно с этой точки зрения послание Путина Федеральному собранию РФ 2005 г., которое, по его собственным словам, в первую очередь должно было затронуть политические и идеологические вопросы. Идея свободы, содержательно подразумевающая самостоятельность, независимость граждан, красной нитью проходит сквозь весь текст. Путин говорит, что российские граждане “не нуждаются в постоянном на-

¹ График составлен по результатам контент-анализа публичных выступлений президентов РФ Путина (2000–2007, 2012–2014 гг.) и Медведева (2008–2011 гг.).

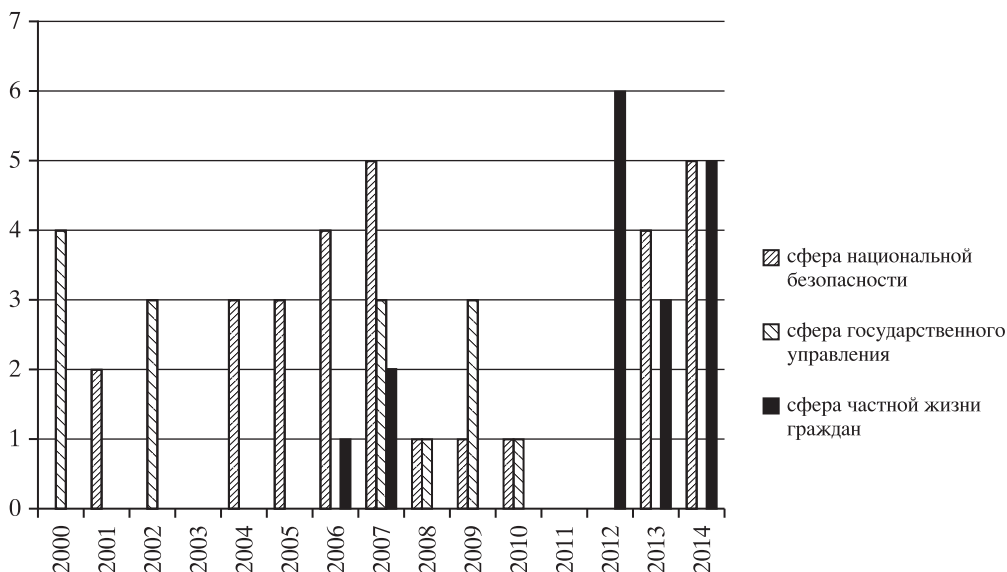

Рис. 2. Диаграмма частоты появления категории “угроза” в различных темах публичных выступлений В. Путина и Д. Медведева (2000–2014 гг.)².

чальственном присмотре”, что они имеют право “участвовать в конкурентной борьбе, зарабатывать, распоряжаться заработанным по собственному усмотрению” (<http://www.rg.ru/2005/04/26/prezident.html>). Задача государства видится лишь в том, чтобы создать условия для этого, “открыть широкие и равные возможности развития для всех”, не вмешиваясь при этом в жизнь людей. “Государственная власть имеет свои пределы... Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт и без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей. Давайте не будем забывать об этом”, – цитирует он И. Ильина (<http://www.rg.ru/2005/04/26/prezident.html>).

² Диаграмма составлена по результатам анализа публичных выступлений президентов РФ Путина (2000–2007, 2012–2014 гг.) и Медведева (2008–2011 гг.). Анализ осуществлялся путем кодирования фрагментов выступлений по принципу принадлежности к одной из следующих групп: сфера национальной безопасности, сфера государственного управления и сфера частной жизни граждан. В качестве классифицирующих категорий кода “сфера национальной безопасности” учитывались следующие лексические единицы: государственная безопасность, национальная безопасность, международный терроризм, региональные конфликты, оружие массового поражения.

Классифицирующие категории кода “сфера государственного управления”: отношения государства и гражданина, коррупция, взятки, антикоррупционная работа (меры), ответственность чиновников, бюрократические процедуры, бюрократические барьеры, произвол должностных лиц, чиновники, государственная бюрократия, администрирование.

Код “сфера частной жизни граждан” формулировался исходя из понимания частной жизни как права человека выстраивать свой образ жизни в бытовой, семейной, религиозной и нравственной сферах в соответствии с его личными убеждениями и нравственными ценностями. Данный код присваивался фрагментам высказываний, содержавших упоминания о праве граждан на неприкосновенность частной жизни, свободе совести и вероисповедания, праве собирать, хранить и распространять информацию любыми законными способами (включая Интернет), свободе мысли и слова, свободе творчества и иных культурных правах. Классифицирующие единицы кода “сфера частной жизни граждан”: права человека (личности, гражданина), свобода СМИ, свобода печати, свобода слова, свобода личности, гражданское общество, ксенофобия, чувства верующих, толерантность, гражданские и экономические свободы, правозащитники, соблюдение прав человека, защита прав человека, (законные) интересы людей, правозащитные организации.

Это выступление многими представителями оппозиции было воспринято саркастически, так как разговор о свободе происходил на фоне принятия череды законов явно не либерального характера (<http://www.newsru.com/russia/25apr2005/reaction.html>). Но на дискурсивном уровне президент не отказывает в автономии человеку, гражданину и, в сущности, в данном послании конструирует схему взаимоотношений государства и гражданина хотя и неравноправную, но предполагающую активное участие граждан в решении общественных вопросов. На институциональном уровне это выразилось в создании Общественной палаты в 2005 г. Ее задачи, согласно федеральному закону, – помимо прочего, поддержка и развитие гражданских инициатив и согласование интересов граждан и органов государственной власти как для обеспечения национальной безопасности, так и для защиты прав граждан. Кроме того, в этом же послании Путин призывает создать общественный контроль за телевидением. Таким образом, в официальном дискурсе делается попытка представить, что власть воспринимает граждан, гражданское общество как некоего самостоятельного субъекта, обладающего почти теми же правами, что и государство.

Однако наряду с транслированием идеи независимого, свободного человека как необходимого условия развития и укрепления российского государства в это же время были приняты законы, в российской либеральной и мировой прессе встреченные жесткой критикой. В частности, поправки к Федеральному закону “О некоммерческих организациях”, принятые в 2006 г., правозащитниками оценивались как действия, направленные на уничтожение гражданской инициативности и активности [Belocurova 2010]. Но в официальном дискурсе эти же действия через риторику угроз легитимировались как действия по защите государственного суверенитета и национальных интересов. Например, согласно одной из поправок, государственные органы были наделены правом отказать в регистрации отделений иностранной неправительственной некоммерческой организации, если ее цели “создают угрозу суверенитету, политической независимости, территориальной неприкосновенности, национальному единству и самобытности, культурному наследию и национальным интересам Российской Федерации” (<http://base.garant.ru/10105879/>).

Таким образом, дискурс прав человека этого периода вряд ли можно отнести к либеральному или патерналистскому. Он, скорее, разворачивался в рамках этатистской парадигмы, представлявшей “сильное, эффективное” государство как обязательное и необходимое условие для реализации прав человека. При этом от гражданина ожидалось активные действия (или, по крайней мере, солидарность с властью) для того, чтобы построить такое сильное государство.

“Либеральный” период

С приходом на пост президента Медведева дискурс существенно меняется. Поскольку это не входит в задачи данной статьи, я не стану давать полную характеристику всех изменений, а лишь отмечу их наиболее отличительные черты. Во-первых, Медведев довольно редко обращается к риторике угроз (см. рис. 1). Он не использует подобную терминологию даже при обсуждении вопросов национальной безопасности, в том числе и в 2008 г., оценивая действия России в Южной Осетии. В качестве угроз репрезентируются международный терроризм, коррупция, недостатки в сфере государственного управления и пренебрежительное отношение бюрократии к гражданскому обществу (см. рис. 2). Более того, предпринимаются попытки вытеснения некоторых из них из политического словаря. Например, из текста пп. 4 п. 2 ст. 23.1 закона “О некоммерческих организациях” исключается такое основание для запрета регистрации иностранной НКО, как “создание угрозы национальному единству, самобытности и культурному наследию РФ” (<http://base.garant.ru/10105879/>).

Во-вторых, исследуемый дискурс приобретает довольно явную либеральную направленность. В своем первом президентском послании Федеральному собранию

РФ в 2008 г. Медведев провозглашает, что отныне основу российской политики должна составить идеология, в центре которой – человек как личность и как гражданин, а наивысшей ценностью российского общества объявляются права и достоинство личности (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968>). Хотя в этактический период также поднималась тема высшей ценности прав человека, тем не менее на первый план выдвигался принцип построения сильного государства как необходимого условия для обеспечения реализации прав. Медведев, по сути, критикует этактическую модель взаимоотношений общества и государства и предлагает взамен иную схему, согласно которой сначала необходимо создать действующую систему реализации прав человека, что в свою очередь позволит создать “сильное государство”. Наиболее четко он выражает эту идею в одном из следующих фрагментов выступления 2008 г.: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата, а отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков. И хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: “Прежде всего, надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность”. А у нас обыкновенно проповедают наоборот» (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968>).

Либеральный поворот нашел выражение не только в публичных речах президента и других представителей политической элиты, но и в программных документах, таких как Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. и Стратегия инновационного развития РФ. Оба документа построены на принципе приоритета индивида и его прав, который определяется одним из ключевых условий развития эффективной экономики и достижения Россией лидерских позиций на мировой арене.

Дискурсивные изменения отразились и на законодательном уровне. По инициативе Медведева был принят ряд законов, направленных на либерализацию политической жизни, включая снижение барьера для прохождения политических партий в Государственную думу РФ с 7 до 5%, исключение клеветы из числа уголовных преступлений и смягчение контроля за российскими НКО.

Еще одной отличительной чертой “либерального” периода стала проблематизация патернализма, что было нехарактерно для предыдущего этапа. К данной теме Медведев напрямую обращается в статье “Россия, вперед!”, характеризую широкое распространение в обществе патерналистских настроений как один из “запущенных социальных недугов”, “тормозящих общее движение вперед и сковывающее творческий потенциал страны” (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413>). Он констатирует: «Желание “делать себя”, достигать шаг за шагом личных успехов не является нашей национальной привычкой. Отсюда безынициативность, дефицит новых идей, нерешенные вопросы, низкое качество общественной дискуссии, в том числе и критических выступлений. Общественное согласие и поддержка обычно выражаются молчанием. Возражения очень часто бывают эмоциональными, хлесткими, но при этом поверхностными и безответственными. Что ж, и с этими явлениями Россия знакома не первые сто лет» (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413>).

Таким образом, патерналистская модель взаимоотношений между гражданами и государством репрезентируется как нежелательная и препятствующая социально-экономическому развитию общества, а дальнейшее построение эффективной политической и экономической системы связывается с обеспечением независимости и свободы каждой личности.

Патерналистский период

С приходом на пост президента Путина в третий раз происходит очередная смена идеологической парадигмы. Дискурс отказывается от элементов либеральной риторики, возвращаясь в рамки этатизма, но с существенными изменениями. Если с 2000 по 2007 г. основным концептом, вокруг которого строилась правозащитная риторика, было “обеспечение прав и свобод человека и гражданина” через построение сильного государства, то с 2012 г. в дискурсивный оборот активно включается категория “угроз”, а концепция “обеспечения прав граждан” все чаще замещается концепцией “защиты интересов граждан/защиты граждан”. Например, в своей предвыборной программе Путин неоднократно обращается к терминологии “защиты”: “Мы будем активно защищать основы нравственности в средствах массовой информации и в интернет-сфере”. “Государство должно создать условия для защиты прав и свобод граждан...” (<http://putin-president-ru.ru/predvybornaya-programma-v-putina>).

Ключевыми категориями политического дискурса данного периода становятся такие лексические единицы, как “угрозы”, “риски”, “защита”, “помощь”. В терминах угроз и рисков репрезентируются не только (и не столько) тема национальной безопасности, сколько темы внутренней политики государства, в том числе и тема прав человека, которая в этот период тесно сплетается с темой нравственности и духовности [Захарова 2013]. Например, в послании Федеральному собранию РФ 2012 г. через риторику угроз президент представляет проблему потери нравственных ориентиров³ и межэтническую напряженность⁴, тогда как коррупция, например, не описывается как угроза, хотя, по словам президента, и “уничтожает ресурс национального развития” (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>).

В 2013 и 2014 гг. риторика угроз усиливается, о чем свидетельствует более частое появление в речах Путина соответствующих лексических единиц (см. рис. 1). В то же время перечень тем, представляемых как угрозы, расширяется: среди них называются “цветные революции”, “угрозы информационного влияния на молодежь”, угрозы политической стабильности, угрозы русской культуре и др. Таким образом, начиная с 2012 г. морально-нравственная и культурная сферы российского общества интенсивно секьюритизируются (см. рис. 2) [Малинова 2014]. При этом, в отличие от начала 2000-х гг., объектами этих угроз являются прежде всего граждане, а не государство, которое, напротив, в данный период выступает в роли защитника. Приведу несколько примеров, демонстрирующих данный тип риторики.

На встрече с членами Совета палаты Совета Федерации Президент призывает провести анализ “цветных революций” и событий на Украине, чтобы “... оградить наших граждан от произвола различных ультрас, от произвола террористических элементов и людей с крайними взглядами” (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/20645/videos>). На заседании Совета по международным отношениям Путин также поднимает тему необходимости защиты населения от рисков и угроз: “В мире... идет жесткая борьба за умы, за идеологическое и информационное влияние. Нам нужна постоянная, системная работа, которая *защитила* бы страну, нашу молодежь от этих *рисков*...” (курсив мой. – О.З.) (<http://mejnac.ru/zasedanie-soveta-po-mezhnacionalnym-otnosheniyam/>).

Действия России по присоединению Крыма, оцениваемые на Западе как агрессия и нарушение территориальной целостности Украины, президентом Путиным были объяснены с позиции необходимости защиты и помощи людям: “...мы должны сделать все, чтобы *помочь* этим людям *защитить* свои права и самостоятельно определить

³ “Тогда были отброшены все идеологические штампы прежней эпохи. Но, к сожалению, тогда же были утрачены и многие нравственные ориентиры... И все это порой приобретает безобразные, агрессивные, вызывающие формы, скажу больше – создает долгосрочные угрозы обществу, безопасности да и целостности России”.

⁴ «И потому столь опасны для России любые проявления “простых и окончательных” так называемых решений, которые предлагаются националистами и экстремистами разного толка и оттенка... Попытки провоцировать межэтническую напряженность, религиозную нетерпимость мы должны рассматривать как вызов единству Российского государства, как угрозу для каждого из нас».

свою судьбу. Вот за это мы и будем бороться... По-другому провести референдум открыто, честно, достойно и *помочь* людям выразить свое мнение было просто невозможным... И если мы увидим, что этот беспредел начинается в восточных регионах, если люди попросят нас о *помощи*... то мы оставляем за собой право использовать все имеющиеся у нас средства для *защиты* этих граждан” (курсив мой. – О.З.) (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796>).

Таким образом, Россия предстает в речах президента именно как государство, которое *заботится* о своих людях, в отличие от других (европейских, как следует из контекста) государств, пускающих все на самотек. Эта мысль выражена Путиным более четко в одном из его интервью: “...у нее (то есть России. – О.З.) даже большее будущее, чем у некоторых других стран, которые не могут *позаботиться* о своих молодых людях, о поколениях своих нарождающихся, о своих детях...” (курсив мой. – О.З.) (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/45832>).

Заданный президентом тип риторики нашел свое выражение и в высказываниях других представителей власти. Например, экс-министр связи и массовых коммуникаций И. Щеголев также описывал проблемы в интернет-сфере в терминах угроз, рисков и необходимости защиты населения: “И можно только удивляться беспечности пользователей, которые не видят никакой *угрозы* в том, что направо и налево раздают свои данные” (курсив мой. – О.З.), – говорит Щеголев, подчеркивая, что “государство должно и может предупреждать бесконтрольный сбор персональных данных граждан России со стороны разного рода проходимцев и Интернет-гигантов”. “*Риски* умышленного нарушения работы национальных сегментов Сети или полного отключения стран от Интернета без каких-либо объяснений существуют... В этом, повторюсь, заключена *угроза* безопасности страны”. “Мы запрещать Интернет не собираемся. Но нам еще очень многое предстоит сделать для *защиты* интересов наших граждан, государства и бизнеса в Интернете” (курсив мой. – О.З.) (<http://d-russia.ru/ucheniya-podtverdili-nedostatochnuyu-ustojchivost-runeta-prinedruzhestvennyx-celenapravlennyx-dejstvijax.html>).

Принимая поправки в Уголовному кодексу РФ о защите чувств верующих в 2013 г., депутаты, выступавшие за введение такой нормы, также аргументировали это необходимостью защиты людей. “То, что мы предлагаем, является по сути мировой практикой: во многих европейских странах такого рода законы уже действуют. Более того – за такого рода преступления в старые времена существовали очень жестокие меры наказания. Но закон *не носит репрессивный характер. Закон защищает чувства* граждан от посягательств тех людей, которые каким-либо образом враждебно высказывают свое отношение к религиозным чувствам наших граждан” (курсив мой. – О.З.), – говорил первый заместитель председателя комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций М. Маркелов (<http://www.newsru.com/russia/09apr2013/faithdefence.html>).

Определенной институционализацией риторики угроз стала Концепция общественной безопасности, утвержденная Путиным в 2013 г. Хотя на момент ее принятия уже существовала Стратегия национальной безопасности на период до 2020 г., вступившая в силу в 2009 г. и включавшая в себя раздел “Государственная и общественная безопасность”, было объявлено, что Стратегия 2009 г. недостаточно обеспечивает общественную безопасность, чем и вызвана необходимость разработки новой концепции. Одна из основных задач Концепции общественной безопасности, согласно п. 2, – определение основных угроз общественной безопасности, перечень которых включает 13 типов, тогда как Стратегия 2009 г. упоминает лишь один вид угрозы – угроза национальной безопасности.

В перечень объектов, подлежащих государственной защите, Стратегия 2009 г. включает конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет и территориальную целостность, устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства” (<http://base.garant.ru/195521/>). Концепция 2013 г. расширяет этот перечень путем включения в него “материальных и духовных ценностей общества”, тем самым увеличивая зону государственного вмешательства (<http://>

base.garant.ru/194365/) и отступая от принципа, провозглашенного президентом в 2005 г., согласно которому государству не должно вмешиваться в религиозную, духовную и нравственную сферы жизни человека (<http://www.rg.ru/2005/04/26/prezident.html>).

Таким образом, в описываемый период отчетливо проявляется тенденция любую проблему или задачу, затрагивающую права и свободы граждан, репрезентировать как угрозу для самих же граждан. Тем самым действия, ограничивающие права, представляются как действия, необходимые для защиты общества от надвигающихся (неминуемых) угроз. Например, член Совета Федерации А. Клишас, предлагая усилить административную ответственность за нарушение законодательства об участии в митингах, назвал целью, “во имя которой этот закон принимается”, защиту прав и свобод граждан, которые принимают участие в митингах: “...нормы этого закона построены таким образом, чтобы *защитить* конституционные права и свободы наших граждан... мы должны *оградить граждан* от разного рода экстремистов, которые превращают эти митинги... в массовые беспорядки” (курсив мой. – О.З.) (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/20645/> videos).

Риторика угроз и защиты использовалась также при обосновании внесения в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” нормы о запрете распространения информации о нетрадиционных сексуальных отношениях; при введении в законодательство об НКО категории “иностранного агент”; при введении уголовной ответственности за “оскорбление чувств верующих” и криминализации клеветы (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/16393>; <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17409>; <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47054>). Таким образом, начиная с 2012 г., секьюритизация становится одной из доминирующих черт исследуемого дискурса, в рамках которого реализация большинства прав и свобод репрезентируется как действия, сопряженные с “серьезными” угрозами для граждан, от которых их призвано защитить государство.

В конечном итоге, риторика угроз, помимо агрессии, враждебности к другим и нетерпимости, формирует в массовом сознании ощущение беспомощности, несамостоятельности и, как следствие, зависимости от государства (кругом такое количество угроз, что самим нам с ними не справиться). Посредством этого выстраивается модель взаимоотношений между государством и гражданином, в которой государство выступает в качестве патрона, опекуна, защищающего опекаемого, и в целях этой защиты, то есть ради блага опекаемого, налагающее на него определенные ограничения в правах. Такая модель исключает равноправный диалог между опекуном и опекаемым [Benhabib 2011]. Мнение гражданина не учитывается, поскольку он рассматривается государством как субъект, не способный себя защитить и самостоятельно определять для себя, что – благо, а что – вред. В таком контексте сам гражданин соглашается с данной оценкой и на символическом уровне воспринимает ограничивающую и репрессивную власть как помогающую и защищающую. А ограничения прав человека в рамках подобной риторики трактуются как действия, направленные на благо всего общества, в том числе и лиц, подвергшихся ограничениям.

При сохранении описанного дискурса, “нарушение прав и свобод человека и гражданина усиливается, как это обычно случается в авторитарных режимах, не вызывая при этом ни протестов, ни даже сомнений в правомерности того, что делается, как у властей предержавших, так и у тех, чьи права нарушаются” [Edelman 1977]. Таким образом, легитимируется право государства принимать решения за своих граждан и определять, как им себя вести не только в публичной, но и в частной, морально-нравственной, духовной сферах. Это, в свою очередь, ведет к сохранению и воспроизводству у граждан черт авторитарной личности [Касамара, Сорокина 2011], не способной к самостоятельному принятию решений и чувству ответственности за свои действия, что препятствует дальнейшему социально-экономическому развитию страны. Как пишет М. Урнов, важное условие достижения реальной модернизации страны – отказ политической элиты от великодержавного пафоса и разработка “образовательных программ, помогающих избавиться от глубоко укорененного в массовом сознании авторитарного синдрома, который

является одним из ключевых социально-психологических препятствий какой бы то ни было модернизации” [Урнов 2014]. Однако результаты проведенного исследования показывают, что в настоящий период политическая элита не только не пытается бороться с проявлениями патернализма, но, напротив, консервирует и усиливает патерналистские настроения в обществе через риторику угроз и защиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Захарова О.В. (2013) Дискурсивный язык прав человека и российско-европейские отношения // Полис. № 4. С. 100–110.
- Касамара В.А., Сорокина А.А. (2011) Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. № 6. С. 5–15.
- Малинова О.Ю. (2014) “Духовные скрепы” как государственная идеология // Россия в глобальной политике. Т. 12. № 5. С. 113–122.
- Нисневич Ю.А. (2014) Правящая номенклатура сегодня: “захват государства” // Общественные науки и современность. № 5. С. 88–97.
- Урнов М. (2014) Россия: виртуальные и реальные политические перспективы // Общественные науки и современность. № 5. С. 114–129.
- Фишман Л.Г. (2006) Политические дискурсы “периферийной империи” // Политекс. Т. 2. № 3. С. 213–219.
- Фуко М. (2012) Археология знания. М.: Гуманитарная академия.
- Belokurova E. (2010) Civil Society Discourses in Russia: the Influence of the European Union and the Role of EU–Russia Cooperation // Journal of European Integration. Vol. 32. No. 5. Pp. 457–464.
- Benhabib S. (2011) Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times. Cambridge: Polity Press.
- Edelman M. (1974) The Political Language of the Helping Professions // Language and Politics (ed. Shapiro M.). Oxford: Basil Blackwell. Pp. 44–60.
- Edelman M. (1977) Political Language: Words that succeed and policies that fail. New York: Academic Press.
- Fairclough N. (2003) Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge.
- Fedor J. (2013) Russia and the Cult of State Security: the Chekist Tradition from Lenin to Putin. London: Routledge.
- Sinikkukka S. (2009) Promoting Democracy and Human Rights in Russia. London: Routledge.
- Wodak R. (2011) The Discourse-historical Approach // Critical Discourse Analysis. Concepts, History, Theory. London: SAGE. Pp. 63–93.

Official Human Rights Discourse in Post-communist Russia: from Liberalism to Paternalism

*O. ZAKHAROVA**

***Zakharova Olesya** – PhD student, Department of political science, the National Research University “Higher School of Economics”. Address: 9, Ilyinka st., Moscow, 109097, Russian Federatiton. E-mail: zakharovaolesya@yahoo.com.

Abstract

This article shows that, in the period between 2000 and 2014, the dominated ideological paradigm, in which the elite’s human rights discourse developed, has shifted from liberal to paternalistic as well

as the key categories of it were distorted. In the frame of paternalistic discourse constructed by the “threat” rhetoric, which has become the core discursive mean in Russian political discourse, enjoying human rights is represented as fraught with multiple “serious” threats, from which the state is self-obliged to protect citizens.

Therefore, this type of discourse establishes a state–society relationship model in which the state is seen a patron, “foster father” or guardian that restricts individuals’ rights in order to protect them. Considering such repressive and authoritative power helpful and protective, citizens accept their subordinate status and do not protest human rights abuses since undemocratic laws and practices are interpreted as actions addressing the needs of the society.

Keywords: discourse analysis, human rights, political elite, paternalism, political language, rhetoric of threats.

REFERENCES

- Belokurova E. (2010) Civil Society Discourses in Russia: the Influence of the European Union and the Role of EU–Russia Cooperation. *Journal of European Integration*, vol. 32, no. 5, pp. 457–464.
- Benhabib S. (2011) *Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times*, Cambridge: Polity Press.
- Edelman M. (1974) The Political Language of the Helping Professions. *Language and Politics*. Oxford: Basil Blackwell, pp. 44–60.
- Edelman M. (1977) *Political Language: Words that succeed and policies that fail*, New York: Academic Press.
- Fairclough N. (2003) *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*, London: Routledge.
- Fedor J. (2013) *Russia and the Cult of State Security: the Chekist Tradition from Lenin to Putin*, London: Routledge.
- Fishman L.G. (2006) Politicheskiye diskursy “perifernoy imperii” [Political Discourses of the “Periphery Empire”]. *Politeks*, vol. 2, no. 3, pp. 213–219.
- Fuko M. (2012) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Moscow: Gumanitarnaya Akademiya.
- Kasamara V.A., Sorokina A.A. (2011) Postsovetskaya nostalgia v povsednevnom diskurse rossiyan [Post-Soviet Nostalgia in the Everyday Discourse of Russian citizens]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 6, pp. 5–15.
- Malinova O.Yu. (2014) “Dukhovnye skrepy” kak gosudarstvennaya ideologiya [“Spiritual Bonds” as State Ideology]. *Rossiya v globalnoy politike*, no. 5, vol. 12, pp. 113–122.
- Nisnevich Yu.A. (2014) Pravyashchaya nomenklatura segodnya: “zakhvat gosudarstva” [Rulling Nomenclature Today: Catching the State]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 5, pp. 88–97.
- Sinikkukka S. (2009) *Promoting Democracy and Human Rights in Russia*, London: Routledge.
- Urnov M. (2014) Rossiya: virtualnye i realnye politicheskiye perspektivy [Russia: Virtual and Real Political Prospects]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 5, pp. 114–129.
- Wodak R. (2011) *The Discourse-Historical Approach*. Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory. London: SAGE, pp. 63–93.
- Zakharova O.V. (2013) Diskursivnyy yazyk prav cheloveka i rossysko-evropeyskiye otnosheniya [Discursive language of Human Rights and Russia–European Relationship]. *Polis*, no. 4, pp. 100–110.